
ПРИЧИНЫ АКТИВИЗАЦИИ СЕПАРАТИЗМА В СУАР КНР В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.

А.С. Мавлонова

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье проводится анализ основных причин, которые привели к активизации сепаратизма на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в конце XX — начале XXI в. Автор приходит к выводу, что изменения, произошедшие на постсоветском пространстве, экономический спад в бывших советских республиках, повлекший активизацию радикальных течений, экономические реформы в КНР, ведущие к либерализации в социальной и политической сферах, а также влияние внешних глобальных факторов способствовали бурному процессу политизации этничности в центральноазиатской регионе, включающей в себя ряд бывших советских республик, а также обширные территории Синьцзяна, где в результате произошедших изменений серьезно активизировались сепаратистские тенденции, слабо проявляющиеся в предыдущие годы.

Ключевые слова: Синьцзян, КНР, Центральная Азия, сепаратизм, постсоветское пространство.

В Центральной Азии, где построение государственности по-прежнему идет непросто в связи с многочисленными внутренними проблемами, вызванными наличием мультиэтнического сообщества, существенным различием в уровне развития регионов, стремительным обнищанием населения, вопрос о сепаратизме относится к числу ключевых. В этой связи возрождение проблемы уйгурского сепаратизма в Западном Китае вызывает всеобщую озабоченность.

Следует отметить, что ситуацию в данном регионе в обозначенный период стоит рассматривать, учитывая общемировые тенденции, проявляющиеся с двух сторон, — с точки зрения изменения подходов к явлению этнического сепаратизма и наличия «двойных стандартов» в этом вопросе и с точки зрения геополитики.

Что касается первого аспекта, сегодня наблюдается несколько специфических особенностей.

Во-первых, современный подъем настроений этнического сепаратизма связан с политикой «двойных стандартов», которая доминирует с конца прошлого века. Хотя и в теории, и в национальных законодательствах, и в международно-правовых документах право народов на самоопределение трактуется как право территориальных сообществ, а не этнических групп, тем не менее, на практике в большинстве случаев приходится сталкиваться с требованием оформления государственности для отдельной этнокультурной общности.

То, что с конца прошлого столетия наблюдалось в Европе, на постсоветском пространстве и в других регионах мира, свидетельствует о том, что во всех случаях, когда возникает вопрос о «праве наций на самоопределение», реализуется

оно исключительно в виде самопровозглашенной сецессии. Вторая особенность нашего времени — возвращение к этнокультурному толкованию понятия «нация».

Идеологи этносепаратизма, апеллируя к понятию «нация» и утверждая, что именно она является основой государственной, хозяйственной и культурной жизни, фактически пытаются утвердить весь этнос в мысли, что без национального государства решение вопросов социально-экономического и культурного развития этноса невозможно. Это — опасное, но тем не менее весьма распространенное и легко впитываемое общественным сознанием заблуждение.

Третья особенность заключается в том, что этнополитический сепаратизм сегодня не только не наказывается, но и поощряется. Примеров тому великое множество. Вышеуказанные тенденции ярко проявились в предоставлении независимости Косово, Южной Осетии и Абхазии.

Что касается геополитического аспекта проблемы, сегодня Китай слишком очевидно демонстрирует свои лидерские амбиции, и сильным мира сего, по вполне понятным причинам, это не нравится, они активнее начинают наступать на «боле-вые точки» Китая. Главные из них — Тибет и Синьцзян.

Резкие изменения геополитической обстановки начале 90-х гг. в Центральной Азии, вызванные распадом Советского Союза, в значительной степени оказались неожиданностью для КНР и весьма неоднозначно были восприняты Пекином. И хотя распад СССР и открыл для Китая новые возможности и перспективы касательно расширения его присутствия в Центральной Азии, но, с другой стороны, руководители КНР отчетливо осознавали, что развитие ситуации в данном регионе постсоветского пространства не может не сопровождаться достаточно болезненными процессами, которые могут крайне отрицательным образом повлиять на безопасность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в целом КНР, и оказались правы.

Таким образом, уйгурский вопрос приобрел качественно новое звучание для коммунистического руководства Китая с началом 90-х гг. XX в., когда под влиянием деструктивных процессов в Советском Союзе и в связи с обретением суверенитета бывшими союзными республиками усилились сепаратистские тенденции внутри КНР, в особенности в среде уйгурского населения этой страны.

Конечно, проблема сепаратистских настроений стояла перед Китаем и ранее, сформировавшись в результате политики китайского правительства времен последней династии, благодаря международной обстановке в Центральной Азии и вследствие процесса эволюции нацменьшинств. Но в течение практически всей тридцатилетней истории коммунистического Китая до начала реформ Дэн Сяопина проблема находилась в стагнации, остро не проявляясь. Данный факт позволяет предположить, что у так называемых малых этносов Западного Китая поводы для выражения недовольства и объективные предпосылки для протестных тенденций сформировались лишь к последнему десятилетию XX в.

Если поводом для всплеска уйгурского сепаратизма выступили процессы на постсоветском пространстве, то основанием для этого послужил начатый Пекином «курс реформ и открытости», накаливший атмосферу в Синьцзяне.

С одной стороны, практика открытости позволила внешним влияниям проникнуть в эти ранее закрытые регионы страны, когда наряду с предпринимательской активностью получила распространение деятельность зарубежных сторонников уйгурской независимости. Последние, впервые за многие десятилетия получившие возможность воочию увидеть жизнь в СУАР, развернули среди местных уйгуров пропагандистскую активность против китайских властей. Зачастую они действовали через представителей центральноазиатских республик — уйгуров по этнической принадлежности. И, несмотря на жесткий контроль спецслужб КНР, власть не смогла полностью обезопасить себя от деятельности этих сил [1. С. 17].

Однако что касается государств постсоветской Центральной Азии, то риск конфликта на почве сепаратизма в последнее время является минимальным.

Сегодня все пять государств Центральной Азии являются объединенными государствами — только Узбекистан и Таджикистан имеют автономные регионы, соответственно Каракалпакский и Горно-Бадахшанский, но Ташкент исключил любую реальную автономию Каракалпакии, где население в социальном и экономическом плане полностью маргинализировано, а памирские элиты выступают за местную автономию, а не за сецессию.

Россия, чей вес и влияние очень сильны в государствах Центральной Азии, и внутренняя обстановка в которой также в определенной степени отражается на ситуации в вышеуказанном регионе, также не избежала дестабилизации, вызванной всплшкой сепаратизма на своей территории. Так, в наследство от парада суверенитетов РФ получила две республики, желавшие независимости обретения независимости — Татарстан и Чечню.

Таким образом, распад Советского Союза и появление в Центральноазиатском регионе ряда новых независимых государств стали поводом и катализатором всплеска сепаратистских тенденций в Синьцзяне, тем не менее, сами центральноазиатские республики сумели предотвратить проявления сепаратизма в пределах своих границ.

Факт создания национальных государств и обретения суверенитета этнически и религиозно близких уйгурам народов Центральной Азии в значительной мере повлиял на настроения местного населения СУАР, события на постсоветском пространстве которыми были восприняты как показательный пример в деле обретения национальной независимости.

Такое развитие ситуации вокруг Синьцзяна и внутри него достаточно серьезно обеспокоило руководство Китая. Подобные опасения также были подкреплены возможностью повторения исторических прецедентов с разыгрыванием «уйгурской карты», когда этнополитический сепаратизм поддерживался и находил одобрение со стороны сопредельных государств (1). Также это вызывало тревогу в КНР в связи с наличием в центральноазиатских государствах, в особенности в Казахстане, Киргизии и Узбекистане, весьма многочисленной уйгурской диаспоры, с учетом того, что в начале 90-х гг., в процессе формирования государственности и объективной слабости правоохранительных структур постсоветских государств

Центральной Азии, на территории Киргизии и Казахстана активизировались определенные уйгурские организации националистического толка, такие как «Международный комитет освобождения Туркестана», «Организация освобождения Туркестана», и «Объединенная ассоциация уйгуров», которые оказывали помощь уйгурам в Синьцзяне с целью образования независимого государства.

По некоторым данным, уже с 1992 г. в Синьцзян через вышеуказанные организации стали поступать финансовые средства и идеологическая литература из Саудовской Аравии и Турции, радикалистские круги которых приветствовали создание независимого государства на территории СУАР. После того как Всемирным уйгурским конгрессом, состоявшимся в Стамбуле в декабре 1992 г., было принято решение о переходе к вооруженным способам борьбы за независимость, также началась и переброска оружия в Синьцзян. Большая его часть поступала транзитом через границы центральноазиатских государств [2].

Помимо этого, пытаясь уберечься от преследований властей КНР, члены сепаратистских группировок из Синьцзяна, пытающиеся вести антикитайскую деятельность, используя возможности организаций радикального толка, базирующихся в центральноазиатских республиках, стали находить убежище в Киргизии и Казахстане в местах проживания уйгурской диаспоры.

Учитывая то, что после обретения независимости в государствах Центральной Азии произошел достаточно быстрый экономический спад, и, следовательно, ухудшение жизни населения, что усугубило социальные конфликты и угрожало социальной стабильности, преступная деятельность наряду с коррупцией и отсутствием демократии способствовали активизации исламского экстремизма и терроризма в регионе.

Также в конце 90-х гг. XX в. все более негативное влияние на центральноазиатский регион и Синьцзян стали оказывать нестабильность военно-политической обстановки в Афганистане, постоянные вооруженные столкновения между противоборствующими группировками, нестабильность и хаос, творящийся в стране. И в связи с этим особо актуальным стал вопрос касательно исламского радикализма и экстремизма, а также международного терроризма.

И если в первой половине 1990-х гг. ситуация в Афганистане несущественно влияла на Китай, то с появлением на военно-политической сцене движения «Талибан» ситуация стала заметно изменяться. Успехи его последователей в вооруженном конфликте с прочими афганскими группировками и захват власти в государстве во второй половине 1990-х гг. способствовали созданию крайне благоприятных условий для активизации на территории Афганистана разнообразных радикальный и экстремистских сил. И все это отрицательно сказалось на ситуации в центральноазиатском регионе и Синьцзяне.

Данные обстоятельства способствовали превращению Афганистана в базу для международного терроризма. Замечено в Афганистане и появление членов уйгурских военных группировок из СУАР, которые могли приобрести военный опыт благодаря участию в различного рода боевых действиях на стороне талибов, а также благодаря прохождению подготовки в лагерях «Аль-Каиды». И по возвраще-

нию в СУАР они могли принимать непосредственное участие в вооруженных столкновениях и акциях с представителями властей КНР, а также быть инструкторами в созданных в достаточно труднодоступных районах Китая учебно-тренировочных базах. Активисты уйгурских сепаратистов не без основания полагали, что «Аль-Каида» и движение «Талибан» могут быть реальной силой, способной оказать серьезную помощь в обретении независимости Синьцзяна и образованию исламского государства на его территории.

Таким образом, с приходом к власти в Афганистане талибов и в Центральной Азии и непосредственно в Синьцзяне начали еще более активно распространяться разнообразные радикальные исламистские организации и группировки, и в первую очередь следует выделить партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и группировку «Исламское движение Узбекистана». Угроза исламского экстремизма и радикализма стала для КНР вполне реальной, в связи с тем что большая часть населения Синьцзяна являлись последователями ислама. Достаточно серьезную обеспокоенность у руководителей Китая также вызывали попытки проникновения в 1999 и 2000 г. на территорию Киргизии и Узбекистана боевиков «Исламского движения Узбекистана».

Возможное свержение светских режимов в странах Центральной Азии и приход к власти исламистов никаким образом не мог устраивать КНР. Реализация подобного сценария могла привести к серьезной дестабилизации обстановки в СУАР, что, в свою очередь, могло серьезно угрожать территориальной целостности Китая.

Особое влияние на ситуацию в центральноазиатском регионе имеет и присутствие там США. Еще до 2001 г. их присутствие носило преимущественно экономический характер и воспринималось в КНР достаточно спокойно. Властей Китая «по большому счету, устраивали подходы Вашингтона, направленные на развитие рыночных преобразований в странах Центральной Азии» [3. С. 197].

Тем не менее, последовавшая после событий 11 сентября 2001 г. под руководством Соединенных Штатов антитеррористическая операция в Афганистане поспособствовала достаточному усилению присутствия США в центральноазиатском регионе, что, в свою очередь, меняло баланс сил в невыгодном для Китая направлении.

Помимо этого «цветная революция» в Киргизии и события в Узбекистане в 2005 г. также подтвердили опасения Китая касательно реальных планов Соединенных Штатов в Центральной Азии и возможности их влияния на обстановку в регионе в достаточно опасном для Китая направлении.

В КНР с очевидным беспокойством отнеслись к тому факту, что на западных рубежах Китая, в Узбекистане и Киргизии, стал присутствовать крупный воинский контингент США. Учитывая базы в Афганистане, этих сил, по мнениям экспертов, было вполне достаточно, чтобы при необходимости организовать локальную военную операцию для контроля западных районов КНР, и главное Синьцзяна, где располагаются стратегически важные объекты, в их числе полигон «Лобнор» для испытаний китайского ракетно-ядерного оружия. К тому же США существенно

активизировали свое военное сотрудничество с государствами Центральной Азии, что вызвало достаточно напряженную ситуацию внутри ШОС в связи с политическим уклоном ряда государств — членов ШОС в сторону США.

Также США после 11 сентября 2001 г. под лозунгом единства действий всех государств мира против международного терроризма отчетливо продемонстрировали КНР, что они не против значительно расширить свое экономическое присутствие в регионе. К тому же особые опасения в Китае вызвали попытки США контролировать стратегические отрасли промышленности ряда государств Центральной Азии. Затем, закрепившись в регионе и опираясь на свое экономическое преимущество, США путем финансовой помощи могли бы получить возможность влияния на не только на экономическую, но и политическую ситуацию в регионе в выгодном для себя направлении.

Таким образом, американское военное и экономическое присутствие в данном регионе, в свою очередь, способствовало расширению политического влияния США на государства Центральной Азии.

Для осуществления своего контроля над ситуацией в регионе США, используя финансовые и политические рычаги, вполне имели возможность существенно дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии в формате так называемых «цветных революций». Это, по мнению Китая, предоставляло возможность США в будущем оказывать все более и более интенсивное воздействие на социально-политическую обстановку в Синьцзяне КНР благодаря разыгрыванию «уйгурской карты» под лозунгами продвижения демократии.

Тем не менее, Китай открыто не бросил вызов военному присутствию США в центральноазиатском регионе, но его опасения вполне могут усилиться, если вывод войск США и НАТО из Афганистана не будет сопровождаться параллельным выводом западных войск и из самой Центральной Азии.

Все же, хотя большая часть китайских аналитиков высказываются за вывод американского военного контингента из Афганистана, они опасаются, что запланированный на 2014 г. вывод войск окажется преждевременным. Они убеждены, что полный уход НАТО из Центральной Азии может послужить толчком для развития региональной нестабильности и активизации терроризма. Они видят определенные положительные стороны в том, что США принимают активное участие в борьбе с терроризмом в Центральной Азии. Китайские эксперты признают, что за последнее десятилетие США помогли подавить движение «Талибан», «Аль-Каиду» и др., которые периодически пытались свергнуть светские режимы в Центральной Азии и поддерживали уйгурских сепаратистов, стремившихся к независимости Синьцзяна. Они также выражают сомнение в том, что КНР сможет без определенных потерь справиться с последствиями быстрого и полного выхода США из региона [5].

Тем не менее, присутствие американских войск в Афганистане для Китая имеет как положительный, так и отрицательный момент. С одной стороны, успех НАТО в Афганистане может выглядеть как потенциальное окружение китайских границ, с другой же стороны, Китай опасается активно поддерживать силы, кото-

рые в будущем могут подстрекать уйгурских сепаратистов в СУАР. Таким образом, КНР продолжает следовать достаточно осторожному внешнему курсу.

Говоря о политике КНР в Центральной Азии, нельзя не сказать и о России, выступающей достаточно серьезным игроком в данном регионе. Традиционно центральноазиатское направление было одним из приоритетных как для РФ, так и для КНР. Китай всегда ставил перед собой задачу сдерживания влияния России в данном регионе.

Политика России в Центральной Азии после распада СССР не была стабильной, меняясь от практически полного игнорирования государств данного региона, что было особенно заметно в 1990-е гг., до активного сотрудничества. Тем не менее, до настоящего момента так и не сформирована общая стратегия, где бы четко обозначалась роль Центральной Азии в системе интересов России.

При президентстве Д.А. Медведева влияние России в Центральной Азии неуклонно сокращалось. В то же самое время Россия в настоящий момент пытается предпринимать попытки налаживания стратегического диалога с США касательно центральноазиатских проблем. Но есть серьезные опасения, что подобных подход может привести к тому, что РФ и центральноазиатскому региону в целом придется следовать в фарватере США, у которых свои взгляды на варианты евразийского развития.

Таким образом, подобное говорит о том, что у России пока не сформировано полное осознание важности Центральной Азии. Тем не менее, укрепление РФ своих позиций в этом геополитическом пространстве способно привести к увеличению потенциала России.

В свою очередь, КНР развернула целое наступление на регион. В основном это связано с процессом обновления правящей элиты КНР, когда к власти пришли политики, более амбициозные и прагматичные в отстаивании интересов Китая. И новое китайское руководство уже не так ориентируется на Россию в принятии решений относительно государств Центральной Азии, а тем более не готово просто наблюдать растущей в регионе роли США. Поэтому после 2001 г. Китай стал проявлять активность в Центральной Азии, достаточно эффективно используя весь спектр политических, экономических и военных механизмов как в рамках Шанхайской организации сотрудничества, так и в рамках двусторонних соглашений.

Все же немалой кажется возможность столкновения интересов двух государств. Тем не менее, необходимо учесть тот факт, что у китайско-российских отношений достаточно сложное историческое наследие. За этапами сближения следовали этапы резкого обострения. При подобных обстоятельствах стабильность в Центральной Азии может быть под угрозой, что, в свою очередь, негативно скажется на безопасности как Китая, так и России. Но все же Китаю подобные тенденции крайне невыгодны.

Подводя итог причинам активизации сепаратизма в СУАР, нельзя не вспомнить замечание известного специалиста в области этноконфликтологии Д. Хоровица: «проблемы демократии и этнических конфликтов возникают тогда, когда начинают перекаивать карту мира» [4. Р. 682].

Изменения, произошедшие на постсоветском пространстве, экономический спад в бывших советских республиках, который повлек за собой активизацию радикальных течений, экономические реформы в КНР, ведущие к либерализации в социальной и политической сферах, а также влияние внешних глобальных факторов способствовали бурному процессу политизации этничности в Центральной Азии, включающей в себя ряд бывших советских республик, ставших независимыми государствами, а также обширные территории Синьцзяна, где в результате произошедших изменений серьезно активизировались сепаратистские тенденции, слабо проявляющиеся в предыдущие тридцать лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] В конце 1940-х гг. руководство Казахской ССР инициировало в ЦК КПСС вопрос о создании Уйгурской автономной области на территории республики, для того чтобы содействовать освободительному движению в Синьцзяне, тогда контролируемом правительством Чан Кайши (Национальная партия «Гоминьдан»). Указанная область должна была служить своего рода тыловой базой для провозглашенной уйгурами на части Синьцзяна в 1944 г. Восточно-Туркестанской Республики. Позже, в начале 1960-х гг., когда наступило охлаждение советско-китайских отношений, по решению ЦК КПСС в восточных районах Казахской ССР было создано несколько поселений для уйгуров из СУАР, которые затем привлекались соответствующими структурами для ведения антикитайской пропаганды.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Галямова В.Ф.* Этнический сепаратизм в Синьцзяне: состояние проблемы и перспективы // *Kazakhstan spektr.* — 2004. — № 1.
- [2] *Петренко Н.* Уйгурстану — быть? URL: <http://uighur.narod.ru/uigur2/article15.html>.
- [3] *Сыроежкин К.Л.* Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. — Алматы, 2006.
- [4] *Horowitz Donald L.* *Ethnic Groups in Conflict.* — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985.
- [5] *Weitz R.* Central Asian Worries in Beijing // CACI «Analyst». — 21.09.2011.

REFERENCES

- [1] *Galjamova V.F.* *Jetnicheskij separatizm v Sin'czjane: sostojanie problemy i perspektivy* // *Kazakhstan spektr.* — 2004. — № 1.
- [2] *Petrenko N.* *Ujgurstanu — byt'?* Available at: <http://uighur.narod.ru/uigur2/article15.html>
- [3] *Syroezhkin K.L.* *Problemy sovremennogo Kitaja i bezopasnost' v Central'noj Azii.* — Alma-ty, 2006.
- [4] *Horowitz Donald L.* *Ethnic Groups in Conflict.* — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985.
- [5] *Weitz R.* Central Asian Worries in Beijing // CACI «Analyst». — 21.09.2011.

THE REASONS FOR ACTIVISATION OF SEPARATISM MOVEMENTS IN XINJIANG LATER IN XX AND XXI CENTURIES

A.S. Mavlonova

The Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article includes analysis of the main reasons for activation of separatism movements in Xinjiang later in XX and earlier in XXI centuries. The author comes into conclusion that the following reasons caused the process of active politicization of ethnicity in Central Asian region and wide territories of Xinjiang: changes in the territory of former Soviet Union countries; economic recession in former Soviet Union countries which led to activation of radical movements; economic reforms in China leading to liberalization of social and political spheres; influence of external global factors. The mentioned changes resulted in serious activation of separatist tendencies which was not the case in earlier periods.

Key words: Xinjiang, China, Central Asia, separatism, post-Soviet territory.